

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ ГО МОЖО
МУЗЕЙ ГО МОЖО АКАДЕМИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК КИТАЯ

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY
FACULTY OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES

INTERNATIONAL GUO MORUO ACADEMY
GUO MORUO MUSEUM OF CASS

Материалы
V Международной научной конференции

ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУР ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

27 июня – 1 июля 2012 г.

Book of papers of 5th International scientific conference

ISSUES OF FAR EASTERN LITERATURES

June 27 – July 1, 2012

Том II
Volume 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2012

*Печатается по постановлению
Ученого совета Восточного факультета
Санкт-Петербургского государственного университета*

**Проблемы литератур Дальнего Востока. Материалы
П78 V Международной научной конференции. 27 июня — 1 июля
2012 г.: В 3 т. // Отв. ред. Е. А.Серебряков, Фудзита Рина. —
СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. — Т. 2. — 502 с.
ISBN 978-5-288-05309-2
ISBN 978-5-288-05311-5 (Т. 2)**

В сборнике материалов представлены доклады участников V Международной научной конференции «Проблемы литератур Дальнего Востока», посвященной 120-летию со дня рождения выдающегося китайского литератора, ученого, каллиграфа и общественного деятеля Го Можо (1892-1978). Доклады охватывают широкий спектр вопросов, связанных с изучением современных и классических литератур стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии.

ББК 83.3 (5Кит)

Terekhov Anthony
(IOM RAS / SPbSU, Russia)

Geng Wei's «Autumn Day» as an Example of the Da-li period (766 – 779 A.D.) Poetry

The subject of this paper is the poetry of the Da-li 大曆 reign period (766 – 779 A.D.). It was influenced by the political crisis of the Mid-Tang period and is characterized by the simplicity of form and profundity of meaning. One of its good examples is a poem «Autumn day» (*Qiuri* 秋日) by Geng Wei 耿滄, one of the «Ten talents of the Da-li years» (*Da-li shi cai zi* 大曆十才子). The analysis of this piece shows that it is not a recluse poem it seems to be at first sight, but rather a meditation about the decline of Tang dynasty.

Терехов А.
(ИВР РАН / СПбГУ, Россия)

Стихотворение Гэн Вэя «Осенний день» как образец поэзии годов Да-ли (766-779 гг.)

Период правления императора династии Тан 唐 (618 – 907 гг.) Дай-цзуна 代宗 (762 – 779 гг.) под девизом Да-ли 大曆 (766 – 779 гг.) редко удостоивается пристального внимания исследователей. Тем не менее, он является достаточно важной вехой в истории развития культуры и, в частности, поэзии танской эпохи. В китайском литературоведении поэзия годов Да-ли выделяется в отдельное направление, служащее своего рода водоразделом между поэзией Золотого века Тан (*шэн Тан* 盛唐) с одной стороны и поэзией середины эпохи с другой [Ли Сянь-линь 2001, I: 446].

Специфика поэзии годов Да-ли в значительной степени обусловлена социально-политическими факторами, наиболее важным из которых стал подавленный незадолго до того мятеж Ань Лу-шаня 安祿山 (755 – 763 гг.)¹. Это восстание,

¹ О предпосылках и ходе восстания Ань Лу-шаня см. [Peterson 1979: 464-484; Dalby 1979: 561-571].

сопровождавшееся гибелью огромного количества людей и разрушением многих городов, продемонстрировало слабость центральной власти и несовершенство прежде казавшейся идеальной системы управления страной, поселив в людях страх, разочарование и неуверенность в завтрашнем дне. Подавление мятежа не принесло долгожданного покоя; именно в период Да-ли начали проявляться его разрушительные последствия, среди которых были крупномасштабная милитаризация государства, реструктуризация местного управления, экономический кризис, утрата государственного контроля над землёй, крупные переселения народа, значительные территориальные потери и падение престижа империи на внешнеполитической арене [Peterson 1979: 485-486]. На севере государства продолжались восстания, а границы подвергались набегам варваров, порой проникавших далеко вглубь китайской территории. В то же время, при дворе росло влияние евнухов, а высшие чины в государстве предавались неуёмной роскоши².

Ситуация постоянной нестабильности и политического хаоса на фоне недавней трагедии сильно влияла на настроения интеллигенции: её представители постепенно разочаровывались в общественной жизни, начинали отдавать приоритет жизни частной, обращались к даосизму и буддизму. Отразилось это и на поэзии, в которой пышный и величественный слог Золотого века сменился простотой и изяществом стихотворений середины Тан, а воспевание могущества древних империй – ностальгией по идеалам эпохи Шести династий (Лючао 六朝, III – VI вв.). В результате, поэзия годов Да-ли отличается эмоциональностью, камерностью, глубоким содержанием при внешней простоте. В формальном плане для неё характерны короткие стихотворения нового стиля с пятисложной строкой [У Гэн-шунь 2000, II: 24-25].

Большинство поэтов периода Да-ли – мелкие и средние чиновники. Обычно они подразделяются на несколько групп по территориальному принципу. Первыми традиционно называются «столичные» поэты, базировавшиеся в районе Чанъани и Лояна.

² О политической ситуации годов Да-ли см. [Peterson 1979: 486-497; Dalby 1979: 571-580].

Именно из их числа складывается самая известная поэтическая когорта этого периода – «десять талантов годов Да-ли» (*Да-ли ши цай цзы* 大曆十才子), к которой относятся Цянь Ци 錢起, Лу Лунь 盧綸, Сыкун Шу 司空署 и прочие. Другая группа поэтов, региональных чиновников, среди которых Лю Чжан-цин 劉長卿, Ли Цзя-ю 李嘉祐 и Дай Шу-лунь 戴叔倫, была сосредоточена на юго-востоке империи (в регионах У 吳 и Юэ 越). Там же творил ряд монахов и отшельников, которых иногда также выделяют в отдельную группу. Особняком стоят Вэй Ин-у 韋應物, Гу Куан 顧況 и другие стихотворцы, не принадлежащие ни к столичному, ни к юго-восточному региону [У Гэн-шунь 2000, II: 25-26; Ли Сянь-линь 2001, I: 449-450].

Характерным образцом поэта этого времени является Гэн Вэй 耿滄, относимый традицией к числу «десяти талантов годов Да-ли». Его имя редко встречается в работах, посвящённых литературе Китая, а стихотворения почти не переводятся на европейские языки³.

При этом письменное наследие Гэн Вэя достаточно обширно: в антологии «Цюань Тан ши» 全唐詩 («Вся поэзия [династии] Тан») собрано более 170 стихотворений поэта [ЦТШ: 268-269/2973-3005, 883/9976]. Там же помещена его биография: «Гэн Вэй, по второму имени Хун-юань 洪源, был родом из Хэдуна 河東 (в совр. пров. Шаньси – А.Т.). В начальном году под девизом правления Бао-ин (762 г.) выдержал экзамен на учёную степень. Служил правым *шии*. Творил стихи. Был равен славой с Цянь Ци, Лу Лунем, Сыкун Шу и прочими. Считается [одним из] "десяти талантов годов Да-ли". Стихотворения Вэя не слишком витиеваты, но стиль его прекрасен. Собрание сочинений [его]

³ Так, в указателе русских переводов китайской литературы [Глаголева 1986: 141] есть ссылка лишь на одно стихотворение Гэн Вэя – «Старик у дороги» в переводе Ю. Александрова [Классическая поэзия 1956: 225-227; Антология 1957 II: 200]. Также на русский дважды переводилось стихотворение «Цю жи» 秋日 («Осенний день»), о котором подробно будет сказано ниже.

составляет три свитка (*цзюань* 卷). Здесь же собраны стихотворения в двух свитках» [ЦТШ: 268/2973].

В действительности, данные «Цюань Тан ши» не совсем точны. Во-первых, Хун-юань, по-видимому, не было вторым именем поэта. Судя по всему, это – фамилия и имя (Хун Юань) другого человека, *чжуанюаня* 狀元 («первого из сильнейших») на столичных экзаменах, принесших Гэн Вэю степень [Фу Сюань-цун 1980: 494, комм. 1]. Во-вторых, сам этот экзамен проходил не на первом, а на втором году правления под девизом Бао-ин, т.е. в 763 г. [Фу Сюань-цун 1980: 493].

Годы жизни поэта неизвестны⁴. Однако, стоит отметить, что название «Хэдун» было (после ряда переименований) возвращено области, в которой Гэн Вэй появился на свет, только в первом году правления под девизом Тянь-бао 天寶 (742 г.) [Цзю Тан шу: 39/1469-1470]. Таким образом, можно предположить, что родился поэт не ранее этого времени, а если учесть дату сдачи им экзамена на степень – то и не намного позднее.

Основные вехи жизненного пути поэта восстановлены на основе обрывочных свидетельств исторического и литературного характера современным китайским учёным Фу Сюань-цуном 傅璇琮. Согласно его изысканиям, после прохождения экзамена Гэн Вэй несколько лет служил *сяньвэем* 縣尉 (уездным приставом) прилегающего к столице уезда (*цзи сянь* 畿縣) Чжоучжи 周至 (в совр. пров. Шэньси), а в начале годов правления под девизом Да-ли был переведён в столицу с повышением до должности левого *шии* 拾遺 по одним данным или правого *шии* по другим⁵. В период между 773 и 776 годами

⁴ В комментарии к одному из русских переводов его стихотворений указаны 730? – 790? гг. [Алексеев 2003: 162], однако каковы основания для этой датировки – неизвестно.

⁵ Функции правого и левого *шии* («подбирателей обронённого») в целом совпадали и сводились к «редакторской правке черновиков государственных документов» [Рыбаков 2009: 244], однако левые *шии* входили в штат Привратного надзора (*мэньсяшэн* 門下省) [Рыбаков

он был отправлен на юго-восток, в район совр. пров. Цзянсу и Аньхуэй, для «восполнения [недостающих] схем и книг» в столичных хранилищах, а по возвращении в столицу был повышен до должности *дали сыфа* 大理司法 (по мнению Фу Сюань-цуня, то же что и *дали сычжи* 大理司直)⁶. Умер Гэн Вэй, как считает учёный, после 787 г. [Фу Сюань-цун 1980: 494-499]. Кроме того, известно, что в какой-то момент поэт был сослан в Суйчжоу 許州 (в совр. пров. Хэнань), однако Фу Сюань-цун не пытается встроить этот факт в его биографию [Фу Сюань-цун 1980: 500].

Другой исследователь танской поэзии, Тао Минь, не соглашается с Фу Сюань-цуном в вопросе последнего служебного поста поэта: по его мнению, под *дали сыфа* в данном случае подразумевается не *дали сычжи*, а *сыфа цаньцзюнь* 司法參軍, т.е. должность более низкая⁷. Если такое отождествление верно, то данное назначение было не повышением, а понижением. Это, по мнению Тао Миня, и могло быть той самой ссылкой в Суйчжоу, о которой упоминает Фу Сюань-цун [Тао Минь 2010: 140-141].

Достаточно репрезентативным для творчества поэта и поэзии годов Да-ли в целом можно считать его стихотворение «Цю жи»

2009: 244], а правые *шии* – в штат Надзора Срединных документов (*чжуншуншэн* 中書省) [Рыбаков 2009: 253].

⁶ Действительно, такая должность как *сыфа* в Приказе Великой справедливости (*далисы* 大理寺) отсутствовала; в то же время *сычжи* («ведающие правдой») там числились. В их обязанности входило «проведение следственных действий вне столицы, куда их посылали в качестве и статусе императорских уполномоченных посланцев (*ши* 使)» [Рыбаков 2009: 321].

⁷ *Сыфа цаньцзюнь*, он же *сыфа цаньцзюньши* 司法參軍事 («соучастник, ведающий судебными делами») был одной из самых низших должностей окружного уровня [Рыбаков 2009: 459-462].

秋日 («Осенний день» или просто «Осень»)⁸. Ниже приведены оригинал и перевод В. М. Алексеева⁹:

秋日

反照入閭巷，憂來與誰語。古道無人行，秋風動禾黍。

[ЦТШ: 269/3002]

«В осенний день»

Закатное солнце

стоит в деревенских воротах

Сделалось грустно –

с кем перемолвлюсь словом?

Сельским проулком

ныне никто не ходит.

Ветер осенний

зрелую ниву колышет.

[Алексеев 2003, 162]

На первый взгляд, это довольно обычное для китайской традиции пейзажное стихотворение с отшельническими мотивами. Тем не менее, анализ основных образов позволяет предположить, что за обманчиво простой формой скрыто глубокое содержание.

Ключевой образ первой строки – «отблеск лучей заходящего солнца» (*фань чжао* 反照). Тема заката – одна из центральных в творчестве Гэн Вэя. В китайской культуре этот образ издавна связывался с осенью (закатом года), поэтому его появление в рассматриваемом стихотворении вполне объяснимо. Однако, помимо всего прочего, образ садящегося солнца (как, впрочем, и осени) может иметь и политические коннотации, т.е. символизировать закат династии.

⁸ У Гэн Вэя есть ещё одно стихотворение с тем же названием [ЦТШ, 268/2992], однако в данной работе оно не рассматривается.

⁹ Существует ещё один перевод «Цю жи» на русский язык, выполненный Б. Мещеряковым [Мещеряков], однако принципиальных отличий от версии В. М. Алексеева там нет.

Скорбь (ю 憂), о которой говорится во второй строке, тесно связана с осенью и закатом. Безусловно, она вызвана предчувствием зимы, ночи, в более широком смысле – гибели. Тут же вводится мотив одиночества лирического героя – ему не с кем поделиться своей тоской¹⁰. С одной стороны, это может быть вызвано простым отсутствием людей вокруг; с другой же – нельзя исключать, что речь здесь идёт о духовном одиночестве: окружающие не способны понять и разделить чувства поэта.

Ключевой для понимания данного стихотворения является, на мой взгляд, его третья строка. Принципиальное значение здесь имеет сочетание *гу дао* 古道, согласно существующим переводам – «сельский проулок» или «старая дорога». Такое значение у *гу дао*, безусловно, имеется, однако не является единственным. Даже в словаре «Хань юй да цы дьянь» оно указано для неё вторым, в то время как первым называется «Путь древних, т.е. установления, учение, идеи, нравы и обычаи древности» [ХЮДЦД, III: 25]. Семантическую амбивалентность этого сочетания подчёркивает и глагол *син* 行, который можно понимать двояко: как движение («идти [по древнему пути]»), с одной стороны, и как действие («осуществлять [Путь древних]»), с другой. В результате, строка обретает двоякий смысл: с одной стороны (и это соответствует внешней, «пейзажно-отшельнической» стороне стихотворения) речь здесь действительно идёт о старой дороге, которой никто не ходит, но с другой – говорится о древнем, истинном Пути, которым не следует никто из современников поэта¹¹. Такое прочтение сразу придаёт стихотворению новое, социально-политическое измерение.

¹⁰ В переводе Б. Мещерякова («Нé с кем вымолвить слóва – горестная судьба») причина и следствие переставлены местами, что в данном случае едва ли допустимо.

¹¹ Стоит отметить, что для данной строки зафиксирован и другой вариант – *гу дао шао жэнь син* 古道少人行 («Немногие ходят по древней дороге / следуют древнему Пути»), который немного смягчает категоричность подобного утверждения.

Особый интерес представляет последняя строка стихотворения, а точнее – используемое в ней сочетание *хэ шу* 禾黍, в дословном переводе означающее «чумиза и просо», или попросту «хлеба» («зрелая нива» в переводе В. М. Алексеева). Очевидная связь образа колосющихся хлебов со временем года, которому посвящено стихотворение, вкупе с лексической простотой использованного поэтом оборота, легко может ввести читателя в заблуждение и нарисовать в его воображении картину богатого изобилия.

Однако в действительности за этим сочетанием кроется другой, гораздо более глубокий и в значительной мере противоположный смысл. Как сообщает «Хань юй да цы дянь» [ХЮДЦД, VIII: 2], данное сочетание может являться отсылкой к одному из стихов «Ши-цзин» – «Шу ли» 黍離 (в переводе А.А. Штукина «Там просо склонилось теперь» [Штукин 1987: 66-67]). Согласно предисловию к этому стихотворению, в нём описывается скорбь по Цзунчжоу 宗周 – древней столице Чжоу, располагавшейся вблизи современного г. Сиань и заброшенной в результате нашествия западных варваров: «Чжоуский сановник во время служебной поездки прибывает в Цзунчжоу, и, проходя мимо древнего храма предков и дворца, [видит, что] всё вокруг поросло хлебами. [Он] скорбит о гибели Цзунчжоу, мнётся в нерешительности, не находя сил уйти прочь, и создаёт эту песню» [МШЧИ: 4-1/330-331].

В качестве первого примера использования данного сочетания как аллюзии на «Ши-цзин» «Хань юй да цы дянь» цитирует стихотворение Сюй Хуна 許渾 (IX в.) «Цзинь ян хуай гу» 金陵懷古 («В Цзиньяне размышляю о древности»): «Деревья кругом обступили чиновников многих могилы / Хлебами густыми порос Шести династий дворец» [ЦТШ: 533/6084]. Тем не менее, использоваться в таком значении сочетание *хэ шу* начало намного раньше.

В значении «хлеба, вырастающие на развалинах» оно появляется ещё у Сыма Цяня в его «Ши цзи» 史記 («Записях историографа»), где рассказывается история о Цзи-цзы 箕子, родственника правящего дома погибшего государства Инь: «...Приезжая представиться [правителю] Чжоу и проезжая

развалины столицы прежней династии Инь, он переживал то, что дворцы и палаты столицы лежат в руинах, заросли злаками и просом (*хэ шу* – А.Т.). Все это потрясло Цзи-цзы, и он хотел зарыдать, но не смог, хотел пролить слезы, но [подумал, что] это сделает его похожим на женщину, тогда он составил стих «Цветение хлебов», чтобы воспеть свои чувства» [Вяткин 1987: 129].

В целом, описанная Сыма Цянем ситуация напоминает историю из предисловия к песне «Ши-цзина», однако в последней речь идёт о более поздних событиях: хлеба в ней растут уже на месте столицы чжоусцев, некогда захвативших Инь. Не исключено, что обстоятельства создания древней песни послужили прототипом для истории сочинения строк, традицией относимых к ещё более раннему времени. Кроме того, в описываемом Сыма Цянем сюжете важна личность «поэта»: это уже не безымянный «чжоуский сановник» (*Чжоу дафу* 周大夫), но легендарный Цзи-цзы, образец мудрого и преданного чиновника.

Впоследствии, сочетание *хэ шу* неоднократно появляется в сочинениях жанра юэфу. Так, в похожем на описанный выше контексте оно использовано в юэфу Гао Ши 高適 (ок. 700 – 765) «Да Лян син» 大梁行: там «хлебами порос» дворец вэйского вана, относящийся к эпохе Борющихся царств (Чжаньго 戰國, V – III вв. до н.э.) [ЮФШЦ: 93/1310].

С другой стороны, *хэ шу* оказываются тесно связанными с разрухой, вызванной недавними военными действиями. Например, в ханьском юэфу «Чжань чэн нань» 戰城南 говорится хлебах, которые некому убрать, – подразумевается, что всё трудоспособное население погибло в бою. При этом подчёркивается, что сложившаяся ситуация представляет непосредственную угрозу для государя: «Если хлеба не пожать, чем же будет питаться правитель?» [ЮФШЦ: 16/228]. У Ван Цзяня 王建 (ок. 767 – 830) в юэфу «Кун чэн цюэ» 空城雀 хлеба, напротив, не сажают; впрочем, причина этого всё в том же – «в опустевшем городе нет людей» [ЮФШЦ: 68/984].

У Чжан Цзи 张籍 (ок. 767 – 830) встречается иная вариация этой темы: хлеба в его юэфу «Шань тоу лу» 山頭鹿 не всходят

(бу шоу 不收) из-за засухи. В результате крестьянам не удаётся выплатить аренду, и «мужчины умирают и непогребёнными лежат, пока их сыновья в тюрьме томятся». В то же время, «государь горюет лишь о том, что армии не хватит провианта» [ЮФШЦ: 95/1328]. Таким образом, здесь вновь обыгрывается связь «хлебов» с войной и социально-политическим упадком.

Одним словом, в стихотворении Гэн Вэя «колыхаемые осенним ветром хлеба» также, скорее всего, символизируют не богатый урожай, но, напротив, опустошение и упадок некогда великой империи.

В результате, пасторальное стихотворение на поверку оказывается переполненным социально-историческим смыслом. Под видом деревенского пейзажа в нём описывается моральная деградация общества. Соответственно, осень и закат оказываются метафорами упадка правящей династии, вызванного тем, что никто не следует древнему Пути. Именно этим и вызвана «скорбь» автора, который в данном контексте выступает в роли мудреца, способного, в отличие от всех прочих, увидеть приближающуюся катастрофу, и преданного чиновника, оплакивающего, подобно легендарному Цзи-цзы, гибель (пусть ещё не наступившую) своего государства.

Использованная литература:

- МШЧИ — Мао ши чжэн и 毛詩正義 (Истинное значение «"Стихов" [в версии] Мао») // Ши сань цзин чжу шу 十三經注疏 («Тринадцатиканоние» с комментарием и субкомментарием). Пекин, 1982. Т. 1, с. 259-630.
- ХЮДЦД — Ханьюй да цыдянь 漢語大辭典 (Большой словарь китайского языка). В 13 тт. Шанхай, 1986-1994.
- Цзю Тан шу — Цзю Тан шу («Старая книга [об истории эпохи] Тан»). В 16 тт. Пекин, 1975.
- ЦТШ — «Цюань Тан ши» 全唐詩 («Вся поэзия [династии] Тан»). В 25 тт. Пекин, 1979.
- ЮФШЦ — Го Мао-цянь 郭茂倩. Юэфу ши цзи 樂府詩集 (Собрание поэзии в стиле юэфу). В 4 тт. Пекин, 1998.
- Алексеев 2003 — Постоянство пути: Избранные танские стихотворения / В пер. В. М. Алексеева. СПб., 2003.
- Антология 1957 — Антология китайской поэзии. В 4 тт. М., 1957.

- Вяткин 1987 — Сыма Цянь. Исторические записки: («Шицзи»). Т.V / Пер. с кит., вступит. ст. и комм. Р. В. Вяткина. М., 1987.
- Глаголева 1986 — Китайская классическая литература: библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке / Составитель И. К. Глаголева. М., 1986.
- Классическая поэзия 1956 — Китайская классическая поэзия: Эпоха Тан. М., 1956
- Мещеряков — Гэн Вэй. Осенний день // "Стихи тысячи поэтов": Антология китайской поэзии "ши" VII-XVI вв. в новых переводах Б. Мещерякова. <http://baruchim.narod.ru/322.html>
- Рыбаков 2009 — Рыбаков В. М. Танская бюрократия. Часть 1: Генезис и структура. СПб., 2009.
- Штукин 1987 — Шицзин: Книга Песен и гимнов / Пер. с кит. А. А. Штукина. М., 1987.
- Dalby 1979 — M. T. Dalby. Court politics in late T'ang times // D. Twitchett (ed.) The Cambridge History of China. Vol. 3: Sui and T'ang China, 589-906, Part 1. Cambridge, 1979. Pp. 561-681.
- Peterson 1979 — C. A. Peterson. Court and province in mid- and late T'ang // D. Twitchett (ed.) The Cambridge History of China. Vol. 3: Sui and T'ang China, 589-906, Part 1. Cambridge, 1979. Pp. 464-560.
- Тао Минь 2010 — Тао Минь 陶敏. Чжун Тан шижэнь шицзи сяокао 中唐詩人事蹟小考 (Заметки о деяниях поэтов середины Тан) // Тао Минь. Тандай вэньсюэ юй вэньсянь луньцзи 唐代文學與文獻論集 (Собрание статей по литературе и документам династии Тан). Пекин, 2010. С. 139-142.
- У Гэн-шунь 2000 — У Гэн-шунь 吳庚舜, У Най-бинь 董乃斌 (ред.) Тандай вэньсюэ ши 唐代文學史 (История литературы династии Тан). В 2 тт. Пекин, 2000.
- Ли Сянь-линь 2001 — Ли Сянь-линь 李羨林 и др. (ред.) Суй Тан Удай вэньсюэ яньцзю 隋唐五代文學研究 (Исследования по литературе эпох Суй, Тан и Пяти династий). В 2 тт. Пекин, 2001.
- Фу Сюань-цун 1980 — Фу Сюань-цун 傅璇琮. Гэн Вэй као 耿漳考 (Исследование о Гэн Вэе) // Тандай шижэнь тункао 唐代詩人叢考 (Собрание исследований о поэтах династии Тан). Пекин, 1980. С. 493-501.